

П.Ю. Павлов

*Институт языка, литературы и истории
 Коми научного центра Уральского отделения РАН
 ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия
 E-mail: pavlov.hist@mail.komisc.ru*

ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Введение

В статье рассмотрены материалы палеолитических стоянок, расположенных на территории, ограниченной 58–68° с.ш. и 50–60° в.д. Регион включает северо-восточную часть Русской равнины (восточную часть бассейнов Северной Двины (р. Вычегда) и Мезени (южный Тиман), бассейны Печоры и верхней Камы) и западные предгорья Урала (от северной части Среднего до Полярного) (рис. 1). Значительная протяженность в меридиональном направлении, сложный рельеф определяют разнообразие его природных условий. Северная часть территории расположена в зоне тундры и лесотундры, южная – в зоне бореальных (таежных) лесов.

Северо-восток Европы отличается развитой гидрографической сетью. Реки относятся к бассейнам Северного Ледовитого океана (Печора, Вычегда и Мезень) и внутреннему Арало-Каспийскому (Кама). Основные водные артерии – Кама в южной части региона и Печора в северной – входят в число крупнейших рек Европы. В верхнем течении Камы (центральная часть Пермского края) в середине 50-х гг. XX в. создано Камское водохранилище. Прилегающая к нему территория представляет собой всхолмленную равнину с отметками 200–300 м над ур. м., сильно расчлененную речными долинами

и оврагами. На западе это приподнятая часть Русской равнины, на востоке – предгорья и западные хребты Уральской горной страны. Бассейн Печоры представляет собой равнину, занимающую обширные пространства между Уралом и Тиманом. Наибольшие высоты наблюдаются на его восточной окраине по Уральскому хребту (свыше 1 500 м над ур. м.).

Исследования палеолита северо-востока Европы имеют давнюю историю. Первые палеолитические памятники были открыты в регионе еще в конце 30-х гг. XX в. [Талицкий, 1940]. Изыскания продолжались с разной степенью интенсивности на протяжении второй половины прошлого столетия (см.: [Бадер, 1964; Канивец, 1976; Павлов, 1996]). В результате стационарных и разведочных работ в начале 90-х гг. XX в. и первые годы текущего столетия источниковедческая база исследований палеолита северо-востока Европы была значительно пополнена как в количественном, так и в качественном отношении (см.: [Павлов, 2002]). Новые материалы позволили существенно скорректировать разработанные ранее концепции развития палеолитической культуры в регионе (О.Н. Бадер, В.И. Канивец).

Палеогеография региона в среднем и позднем плейстоцене

Рост и разрушение ледниковых щитов, распространявшихся из Скандинавии и с шельфов Баренцева и Карского морей, имели определяющее значение для палеогеографии северо-востока Европы в эпоху плейстоцена и существенно влияли на заселение человеком

*Работа выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21) и гранта фонда The Wenner Gren Foundation, ICRG41 «Colonization of the Northern World» (2002–2006 гг.).

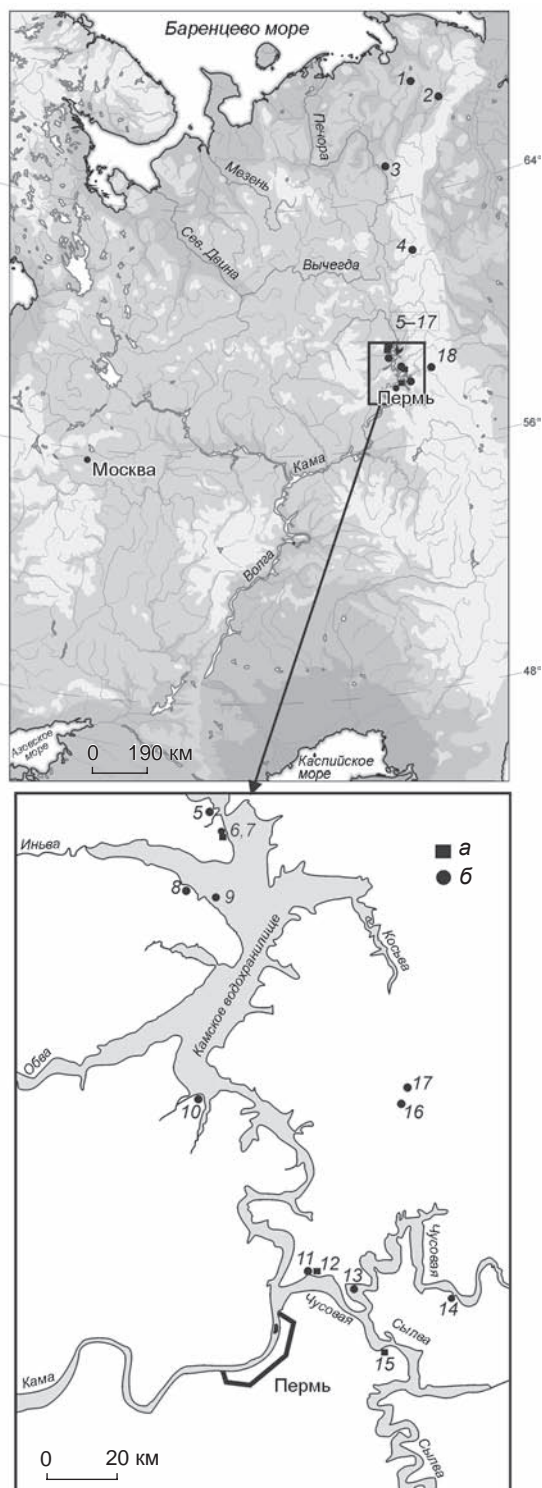

Рис. 1. Расположение палеолитических памятников на северо-востоке Европы.

1 – Пымва-Шор I; 2 – Мамонтова Курья; 3 – Бызовая; 4 – Медвежья пещера; 5 – Усть-Пожва; 6, 7 – Гарчи I; 8 – Широфаново II; 9 – Горка; 10 – Ганичата II; 11 – стоянка Талицкого; 12 – Пещерный Лог; 13 – Горная Талица; 14 – Заозерье; 15 – Ельники II; 16 – грот Столбовой; 17 – грот Близначева; 18 – грот Большой Глухой.

а – памятники раннего и среднего палеолита, б – верхнего.

северных широт континента. Во времена максимумов оледенений в раннем и среднем плейстоцене большая часть Русской равнины была покрыта обширными ледниковыми щитами [Velichko et al., 2003].

Результаты новейших исследований существенно изменили наши представления о палеогеографии северной части региона в течение последнего (валдайского) ледникового цикла. Климат этого продолжительного периода был более изменчивым, чем считалось прежде. В эпоху раннего валдая значительные ледниковые покровы сформировались на шельфе Баренцева и Карского морей и, очевидно, распространялись и на материке, в пределах Печорской низменности [Svendsen et al., 2003]. Ледниковый щит блокировал сток северных рек в Ледовитый океан, и на северо-востоке Европы в период 90 000–80 000 л.н. образовалась система обширных подпружных приледниковых озер [Krinner et al., 2004].

В течение среднего валдая (MIS3) северо-восток Европы был полностью свободен от ледниковых покровов (может быть, на Урале сохранились небольшие горные ледники) [Svendsen et al., 2003]. Природные условия этой эпохи можно охарактеризовать как умеренно-холодные. Средний валдай был одним из самых благоприятных периодов для заселения региона древним человеком.

В позднем валдае (MIS2) основные ледниковые покровы формировались в Скандинавии и на шельфе Баренцева моря. Шельфовый ледник не распространялся на материк, в то время как Скандинавский ледниковый щит достиг своего максимального развития на северо-западе Русской равнины [Svendsen et al., 2003]. В позднем валдае отчетливо выделяются два периода. Первый (24 000–18 000 л.н.) являлся климатическим минимумом плейстоцена (LGM) [Velichko et al., 2003]. Повсеместно, как на севере, так и на юге региона, в отложениях этого периода прослежены криогенные деформации пород в виде крупных мерзлотных клиньев и мощных солифлюкционных горизонтов. В первой половине позднего валдая доминировали открытые пространства холодных засушливых тундростепей. Видовой состав флоры был очень беден, преобладали элементы тундростепной растительности, которые не образовывали сплошного покрова [Paus, Svendsen, Matiouchkov, 2003]. Практически полное отсутствие костных остатков крупных стадных копытных, датированных этим интервалом [Косинцев, 2003], также свидетельствует о существенной деградации растительного покрова. Таким образом, природно-климатические условия северо-востока Европы в первой половине позднего валдая были крайне неблагоприятны для жизни палеолитических людей. Вторая его половина (18 000–13 000 л.н.) в целом отличалась более умеренным климатом по сравнению с предшествующим периодом. [Спиридонова, 1989].

В составе фауны среднего и второй половины позднего валдая на северо-востоке Европы были представлены: мамонт, носорог, овцебык, бизон, лошадь, северный олень, бурый и пещерный медведь, песец, волк, заяц [Кузьмина, 1971].

Таким образом, в среднем и позднем плейстоцене на северо-востоке Европы неоднократно происходили резкие смены палеогеографических обстановок. Относительно короткие теплые интервалы сменялись протяженными периодами суровых климатических условий. Наиболее благоприятными для продвижения палеолитического человека на северо-восток Европы были средний и вторая половина позднего валдая.

Памятники раннего и среднего палеолита

Ранний палеолит. Местонахождение Ельники II расположено в бассейне верхней Камы (координаты: 58°01' с.ш., 56°45' в.д.). В отложениях III террасы р. Сылва совместно с костями трогонтериевого слона (*Archidiscodon trogonterii* Pohl.; определение В.Е. Гарутта, ЗИН РАН) были найдены два артефакта – чоппинг (рис. 2, 1) и отщеп. На основании стратиграфических и био-стратиграфических данных памятник датируется средним плейстоценом, к первой половине которого традиционно относят время существования трогонтериевого слона. Местонахождение, вероятно, является одной из древнейших стоянок человека на территории Русской равнины.

Средний палеолит. Стоянка Гарчи I расположена в бассейне верхней Камы (59°04' с.ш., 56°07' в.д.). Стратифицированные артефакты из нижнего слоя памятника приурочены к отложениям верхней части мезинского почвенного комплекса и, по данным OSL-датирования, имеют возраст ок. 100 тыс. лет. Для каменного инвентаря характерно абсолютное преобладание изделий с двусторонней сплошной или частичной плосковыпуклой обработкой – бифасиальных ножей с площадкой, близких типам Kielemessergruppe (рис. 2, 2, 4, 5), угловатых и конвергентных скребел (рис. 2, 8, 11, 12), остроконечников (рис. 2, 7) и листовидных бифасов (рис. 2, 3, 6). В орудийном наборе самыми многочисленными являются бифасиальные обушковые плосковыпуклые ножи и скребла, а также угловатые скребла и остроконечники. Для их вторичной обработки характерна ин-

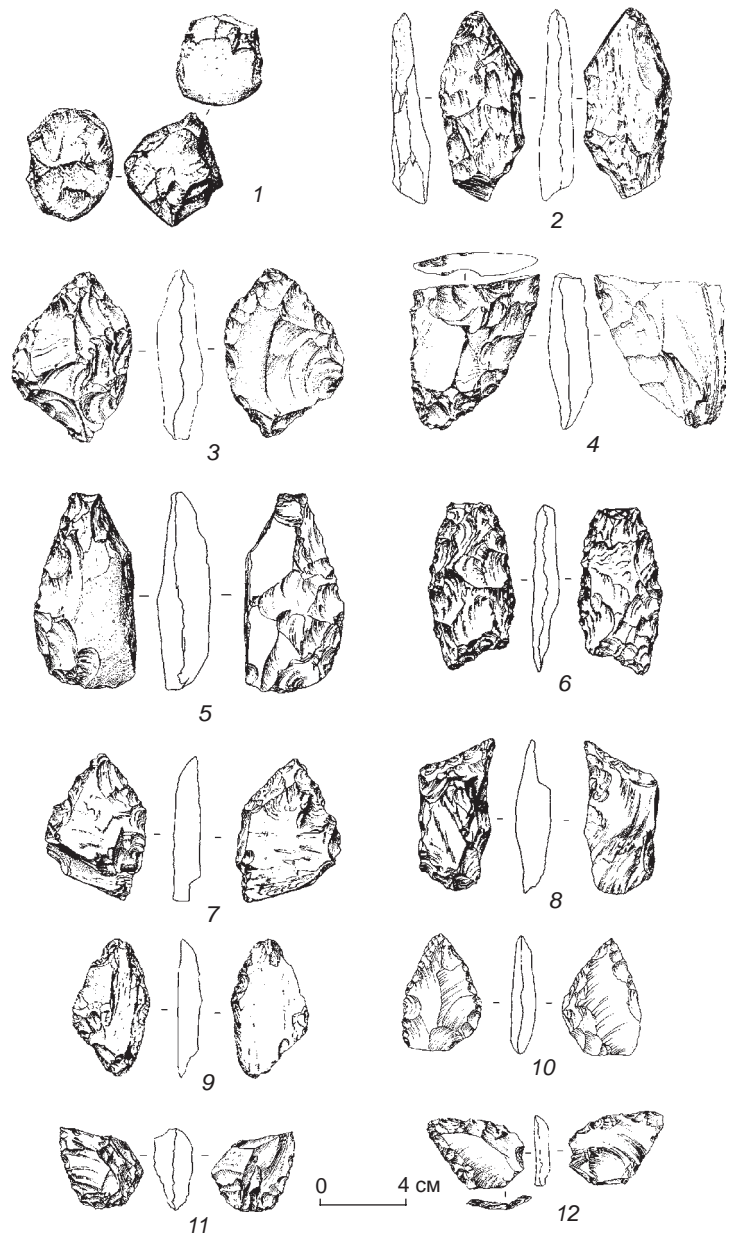

Рис. 2. Каменный инвентарь памятников раннего и среднего палеолита северо-востока Европы. 1 – Ельники II; 2–8, 11, 12 – Гарчи I (нижний слой); 9, 10 – Пещерный Лог.

тенсивная плосковыпуклая ретушь, часто полностью модифицирующая исходную заготовку.

Аналогичные характеристики имеет небольшой, но выразительный комплекс местонахождения Пещерный Лог (58°10' с.ш., 56°31' в.д), открытого еще в 1939 г. М.В. Талицким. В коллекции представлены сегментовидные, частично двусторонние однолезвийные продольные скребла – ножи (рис. 2, 9), остроконечники (рис. 2, 10), небольшие плосковыпуклые бифасы треугольной формы, угловатые и конвергентные скребла.

Каменный инвентарь среднепалеолитических местонахождений региона имеет близкое сходство между собой и полностью соответствует типологическим признакам индустрий восточного микока.

Памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита

Мамонтова Курья расположена в бассейне Печоры (66°34' с.ш., 62°25' в.д.). Возраст памятника, определенный по серии (7) радиоуглеродных дат, составляет 34 000–38 000 лет. Стоянка является древнейшим свидетельством освоения человеком арктических широт Евразии [Pavlov, Indrelid, Svendsen, 2001]. В фаунистических материалах преобладают костные остатки мамонта; северный олень, лошадь и волк представлены единичными костями. Культурный слой на памятнике отсутствует. Находки переотложены и залегают в аллювиальных отложениях. Небольшая коллекция состоит из пяти каменных предметов, в т.ч. фрагмента двояковыпуклого бифаса (рис. 3, 1) и орнаментированного бивня мамонта. Культурную принадлежность памятника по имеющемуся материалу установить невозможно. Хронологические аналогии прослеживаются по наиболее выразительной находке – орнаментированному бивню [Svendsen, Pavlov, 2003]. Орнамент составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу. Подобные орнаменты известны по материалам древнейших памятников верхнего палеолита Европы [D'Errico et al., 2003].

Состав фаунистических остатков и топографическое положение Мамонтовой Курьи характерны для естественных скоплений костей крупных млекопитающих – «кладбищ мамонтов».

Стоянка Заозерье расположена в бассейне верхней Камы (58°09' с.ш., 56°59' в.д.) Для культурного слоя памятника получены следующие радиоуглеродные (AMS) даты: 33 150 ± 410 (Poz-5075); 33 450 ± 420 (Poz-5076); 33 720 + 310/ – 280 (GrA-28191); 35 140 + 390/ – 310 (GrA-28187) [Pavlov, Roebroeks, Svendsen, 2004; Павлов, 2004]. В фаунистических материалах абсолютно доминируют остатки лошади. Найдены также кости зайца, носорога и северного оленя. Выявлены остатки трех кратковременных стоянок небольших коллективов охотников [Павлов, 2004]. Коллекция каменного и костяного инвентаря насчитывает ок. 2 000 предметов. Технику первичного раскалывания характеризуют призматические нуклеусы. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины и пластинки с параллельной огранкой. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий. Первая состоит из орудий на призматических пластинах верхнепалеолитических типов. Это острия (рис. 3, 9, 15), резцы на

сломе и боковые с ретушированной площадкой (рис. 3, 10, 13), пластины с разнообразной краевой и крутой чешуйчатой ретушью, напоминающей ориньякскую (рис. 3, 11, 12). Ко второй группе относятся изделия мустьерской морфологии: небольшие плосковыпуклые бифасы овальной формы (рис. 3, 2, 4), обушковый двусторонне обработанный нож типа Kielmesser (рис. 3, 3), скребла и скребки на отщепках с вентральной подтеской и (или) редукцией ударного бугорка заготовки (рис. 3, 5–8, 14). Костяные орудия и изделия из рога представлены проколками и заготовкой рогового наконечника. Украшения, найденные в культурном слое памятника, относятся к архаичной группе [Абрамова, Синицын, 2002]. Это овальные подвески из раковин *Unio* с двумя просверленными отверстиями и бусины округлой формы с одним просверленным отверстием, изготовленные из ископаемых морских лилий [Павлов, 2004].

По характеристикам каменного и костяного инвентаря и типам украшений Заозерье имеет общие черты с памятниками начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

К ранней поре верхнего палеолита относится верхний слой стоянки Гарчи I [Павлов, Макаров, 1998]. Для культурного слоя памятника имеется радиоуглеродная (AMS) дата – 28 750 ± 795 (TUA-941) [Pavlov, Indrelid, 2000]. Найдены кости лошади (преобладают), северного оленя и мамонта. Выявлены остатки двух наземных жилых конструкций [Павлов, Макаров, 1998]. Коллекция каменного инвентаря насчитывает ок. 6 000 предметов. Техника первичного раскалывания представлена плоскими нуклеусами. Отмечен также специфический прием контрударного расщепления небольших кремневых галек. Для коллекции характерен ограниченный набор категорий орудий. Более половины составляют треугольные двусторонне обработанные наконечники и скребки. Наконечники представлены типичными для костенковско-стрелецкой культуры формами со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы (рис. 3, 16–18). Большая часть скребков изготовлена из коротких треугольных отщепов и имеет вентральную подтеску (рис. 3, 19, 21, 24, 26). Единичны скребки с выделенным шипом на краю лезвия, кареноидные (рис. 3, 23, 25) и двойные с ретушью по продольным краям (рис. 3, 22). Среди резцов типологически выражены только трансверсальные; большинство изделий с резцовым сколом аморфны. В инвентаре представлены стамески с высоким выемчатым лезвием, изготовленные из пластинчатых заготовок; кремневые плитки с краевой двусторонней ретушью; одно удлиненное острие (?) с основанием, обработанным скребковой ретушью. Изделия мустьерской морфологии немногочисленны. Это продольные прямые (рис. 3, 20) и выпуклые скребла, иногда с плосковыпуклой обработкой лезвий.

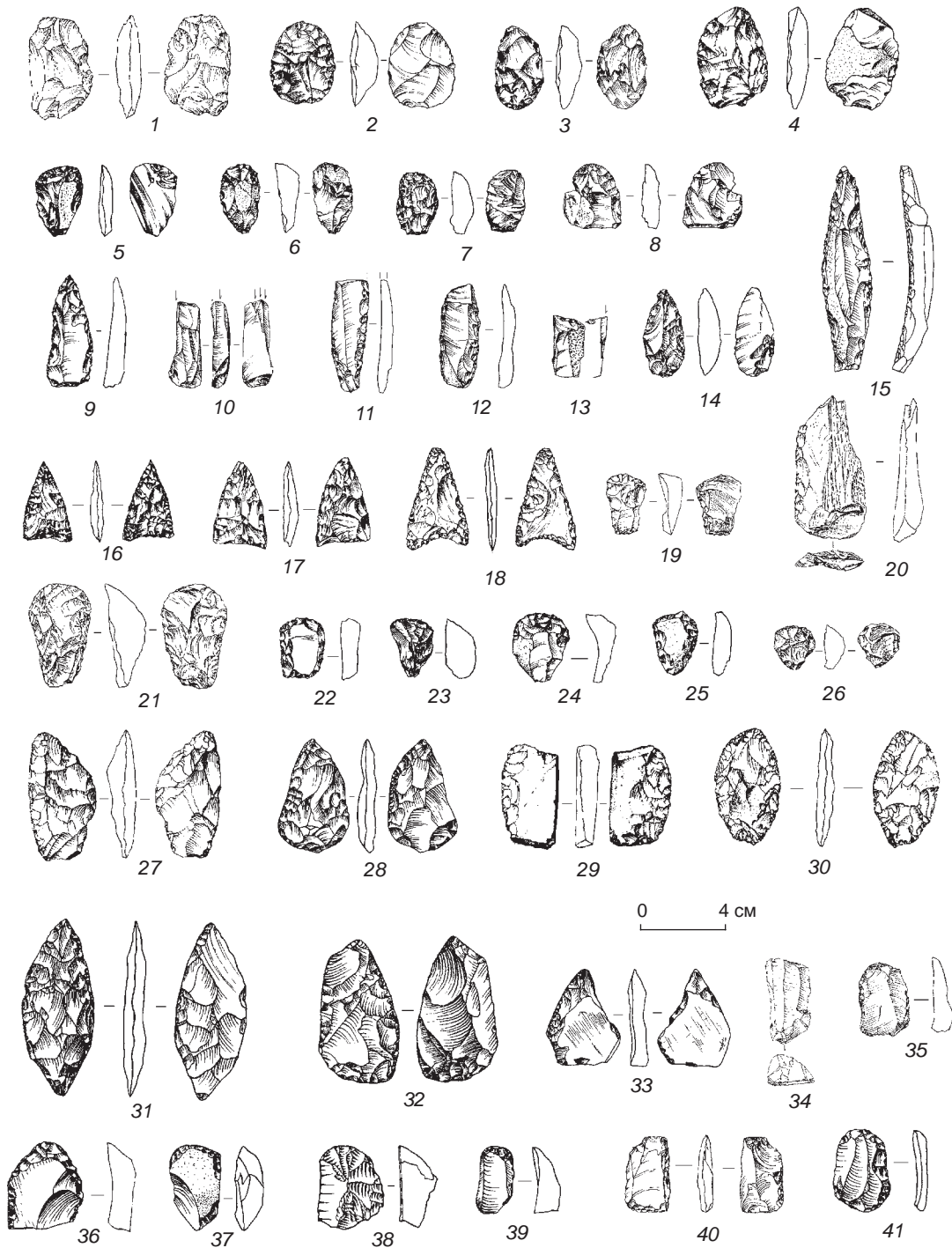

Рис. 3. Каменный инвентарь памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы.

1 – Мамонтова Курья; 2–15 – Заозерье; 16–26 – Гарчи I (верхний слой); 27–41 – Бызовая.

Памятник относится к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу каменного инвентаря, он представляет собой неоднократно посещавшуюся

охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления каменных орудий.

Бызовая – одна из самых северных стоянок ранней поры верхнего палеолита в Европе; она расположена на средней Печоре (65°01' с.ш., 57°25' в.д.) [Канивец,

1976]. Возраст памятника, определенный по большой серии (24) радиоуглеродных дат, составляет ок. 29 тыс. лет [Павлов, 2002]. Среди фаунистических остатков абсолютное большинство (97,7 %) принадлежит мамонту. Кости животных других видов (северный олень, лошадь, волк, бурый медведь, овцебык) единичны. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 278 предметов. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного (рис. 3, 34) и плоскостного расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы – мустьерская и верхнепалеолитическая. Первая представлена плосковыпуклыми бифасами, в т.ч. обушковыми сегментовидными ножами типа Kielmesser (рис. 3, 27, 28, 32) и разнообразными скреблами (рис. 3, 29); вторая – концевыми скребками на отщепе и пластинчатых заготовках (рис. 3, 35, 37, 39, 41), кареноидными и стрелчатыми скребками (рис. 3, 36, 38), долотовидными орудиями (рис. 3, 40), остриями (рис. 3, 33), тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками (рис. 3, 30, 31). На стоянке найдено несколько предметов, изготовленных из рога северного оленя, в т.ч. мотыга типа Лингби.

По базовым характеристикам структуры каменного инвентаря (сочетанию верхнепалеолитической и мустьерской групп) Бызовая имеет сходство с более ранним памятником Заозерье, а по некоторым типам каменных орудий – с одновременной стоянкой Гарчи I. Ряд особенностей каменного инвентаря, состава фаунистических остатков, а также топографического положения позволяет интерпретировать памятник как кратковременную стоянку на «кладбище мамонтов» [Там же].

К ранней поре верхнего палеолита относится, вероятно, грот Близначева [Щербакова, 2001]. Коллекция памятника (ок. 300 экз.) характеризуется преобладанием приемов объемного расщепления. Найдены скребки высокой формы, изготовленные из массивных обломков кремня, и концевые скребки на пластинах. Культурная принадлежность памятника неясна.

Памятники позднего и финального палеолита

Поздний палеолит. На северо-востоке Европы в настоящее время известны пять позднепалеолитических стоянок (Талицкого, Ганичата II, Широфаново II, Медвежья пещера, грот Большой Глухой) [Павлов, 1996; Щербакова, 1994; Макаров, 2002], которые относятся к хронологическому интервалу 19 000–16 000 л.н. Их материалы обнаруживают существенное сходство. После открытия в регионе стоянок ранней поры верхнего палеолита, резко отличающихся от позднепалеолитических по технико-типологическим параметрам

каменного и костяного инвентаря, характерные черты этой группы памятников выступили более рельефно. Они заключаются в следующем. Источником сырья служили преимущественно аллювиальные галечники. Первичная обработка была основана на объемном и плоскостном расщеплении. Нуклеусы – призматические (рис. 4, 1), уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием, конические и торцовые; для изготовления пластин и микропластин использовались вторичные ядрища. Характерен прием подтески карниза ударной площадки призматических нуклеусов. В больших комплексах обязательно имеются плоские ядрища (рис. 4, 2). Ведущим типом скола являются пластины длиной 3–5 см с неправильной огранкой, присутствуют также крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины. Особенностью вторичной обработки является широкое использование различного рода шипов и выступов при оформлении орудий.

В составе орудийного набора представлены концевые скребки на удлиненных отщепах, пластинах и их фрагментах, в т.ч. и высокой формы (рис. 4, 3–7, 9–11), небольшие округлые скребки на отщепах (рис. 4, 8), боковые, поперечные и угловые резцы (рис. 4, 12–15), долотовидные орудия (рис. 4, 16), пластины с притупленной спинкой (рис. 4, 17), с краевой ретушью (рис. 4, 18, 19), усеченные пластины (рис. 4, 20), шиповидные и зубчатые изделия (рис. 4, 21). В инвентаре обязательно присутствуют галечные орудия – чопперы и чоппинги. Характерны также крупные унифасы и скребла с прямым выпуклым и вогнутым лезвием (рис. 4, 22, 23). Костяной инвентарь сравнительно беден. Определяющими являются вкладышевые двусторонние и односторонние наконечники и изделия с пазами, в ряде случаев – из бивня мамонта (рис. 4, 24). На некоторых памятниках найдены скребла, изготовленные из фрагментов крупных трубчатых костей. Украшения представлены костяными бусинами-пронизками и подвесками из раковин. Найдены орнаментированные изделия – костяные пластинки и плитки сланца с нанесенными продольными и поперечными линиями, образующими ромбическую сетку. К уникальным относится кремневая фигурка мамонта, обнаруженная на стоянке Широфаново II.

Финальный палеолит. К финальному палеолиту в регионе относятся Пымва-Шор I, Горная Талица, грот Столбовой, III слой грота Большой Глухой, Усть-Пожва, Горка [Павлов, Мельничук, 1987; Щербакова, 2001; Макаров, 1997]. Они датируются позднеледниковьем и ранним голоценом (11 000–9 500 (?) л.н.).

В качестве сырья использовался галечный материал. Первичная обработка была основана на объемном и плоскостном расщеплении. Нуклеусы – призматические, одно- и двухплощадочные (рис. 4, 25, 26), встреча-

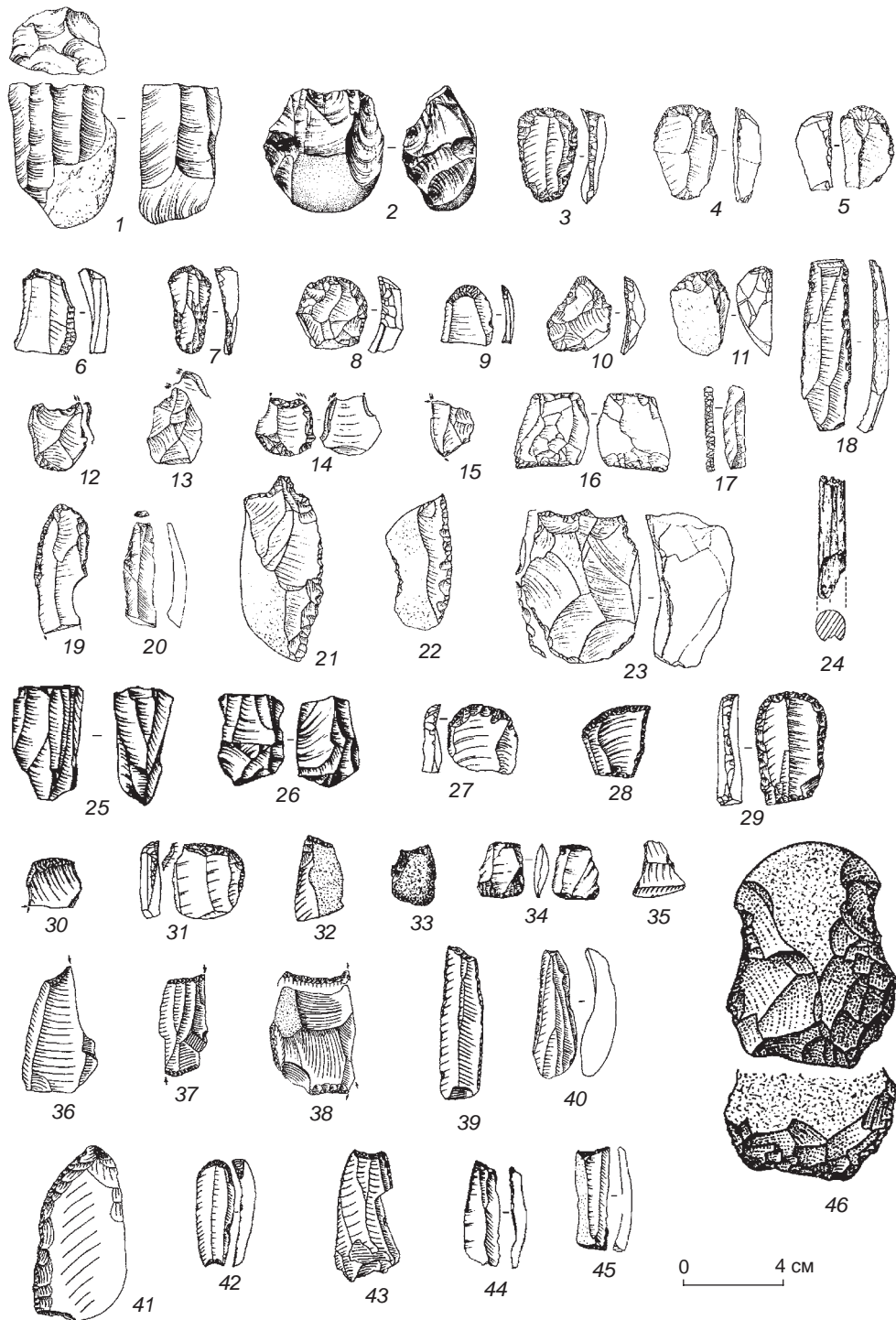

Рис. 4. Каменный и костяной инвентарь памятников позднего и финального палеолита северо-востока Европы.

1, 2, 17 – Ганичата II; 3–16, 18, 19, 21–23 – Широфаново II (по: [Макаров, 2001]); 20, 24 – Медвежья пещера; 25, 26, 34, 44, 45 – Горная Талица; 27–33, 36–38, 46 – Усть-Пожва (по: [Макаров, 1997]); 35, 39–43 – Горка (по: [Макаров, 2001]).

ются конические, торцовые и уплощенно-призматические, значительно реже – плоские ядрища. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины с непараллельной огранкой; пластинки и микроплас-

тинки имеют правильное огранение; в небольшом количестве присутствуют пластины, снятые с нуклеусов плоскостного расщепления. Орудия изготавливались в основном из пластин; в то же время в инвентаре

довольно значительна доля изделий из отщепов и естественных заготовок. Орудийный набор представлен концевыми скребками на пластинах, округлыми – на отщепах и естественных заготовках (рис. 4, 27–31), резцами (боковыми, угловыми, срединными) (рис. 4, 36–38), шиповидными и клювовидными изделиями (рис. 4, 32, 33, 44), усеченными пластинами (рис. 4, 39, 40, 42, 43, 45), пластинами с притупленной спинкой и с притупленной спинкой и усеченными концами, скошенными остриями, долотовидными орудиями (рис. 4, 34), скребками (рис. 4, 41), галечными орудиями – чопперами и кварцитовыми топорами с перехватом (рис. 4, 46). Единичны высокие выемчатые трапеции (рис. 4, 35) и бесчерешковые наконечники стрел на пластинах с вентральной ретушью. На стоянке Горная Талица найдена плитка песчаника с гравированным изображением головы лося [Павлов, Мельничук, 1987].

Таким образом, в составе сырья, технике первично-раскалывания, наборе категорий орудий, отдельных типах изделий прослеживается сходство позднего и финальнопалеолитических комплексов северо-востока Европы. Вместе с тем в коллекциях памятников финального палеолита наблюдаются некоторые отличия. Основным является наличие пластинок с притупленной спинкой и обработанными концами, высоких трапеций, скошенных острий, бесчерешковых наконечников с вентральной ретушью и топоров с перехватом.

Памятники позднего палеолита с тождественными характеристиками структуры комплексов каменного инвентаря широко распространены во всем Уральском регионе: на средней Каме, на восточном и западном склонах Северного, Среднего и Южного Урала. Это Драчево [Мельничук, Павлов, 1985], грот Бобылек [Волокитин, Широков, 1997], Кульюртмак [Нехорошев, Гирия, 2004], пещеры Байсланташ [Котов, 2004], Капова [Щелинский, 1997], Игнatieвская [Петрин, 1992], стоянка Гари [Сериков, 2000]. Исследователи данных памятников отмечают сходство их каменного и костяного инвентаря с материалами стоянок бассейна верхней Камы и подчеркивают их промежуточное культурно-хронологическое положение между позднепалеолитическими (Талицкого, Шированово II) и финальнопалеолитическими (Горная Талица) комплексами северо-востока Европы [Нехорошев, Гирия, 2004; Котов, 2004; Щелинский, 1997; Петрин, 1992].

Таким образом, в каменном инвентаре практически всех позднего и финальнопалеолитических стоянок северо-востока Европы и Урала прослеживаются общие принципы отбора сырья, расщепления нуклеусов и производства орудий. Близкое сходство наблюдается также в типологии орудий из камня и кости. Определенные различия в каменном инвентаре стоянок носят несущественный характер и легко могут быть объяснены функциональной вариабельностью и степенью изученности конкретных памятников.

Обсуждение материалов

В результате исследований, проведенных на северо-востоке Европы в конце 90-х гг. XX в. и начале текущего столетия, сделан ряд важных открытий. Впервые в регионе выявлены раннепалеолитические памятники, подтверждено наличие археологических объектов мустьерской эпохи и определен их возраст, найдены памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита, получены новые данные по позднему и финальному палеолиту. Все это позволило сделать ряд выводов об основных этапах развития палеолитической культуры на северо-востоке Европы.

Единственное местонахождение раннего палеолита Ельники II доставило единичные артефакты, стационарно не изучалось, и поэтому делать какие-либо выводы об облике региональных раннепалеолитических индустрий явно преждевременно.

Памятники мустьерской эпохи – нижний слой стоянки Гарчи I и местонахождение Пещерный Лог – по характеристикам каменного инвентаря имеют значительное сходство с микокскими Восточной Европы. В орудийных наборах восточно-европейского микока обязательно присутствуют двусторонние симметричные и асимметричные острия и скребла, зачастую с обушками; простые и конвергентные скребла, часто с разнообразными вентральными утончениями. Технологическая основа этой индустрии – отщеповое расщепление и плосковыпуклая двусторонняя обработка орудий [Чабай, 2004]. По типологическим параметрам каменный инвентарь среднепалеолитических местонахождений северо-востока Европы полностью укладывается в приведенную характеристику. Эти местонахождения, вероятно, маркируют северо-восточную границу ареала восточно-европейского микока на раннем (?) этапе его существования.

К начальной и ранней поре верхнего палеолита (38 000–28 000 л.н.) на северо-востоке Европы относятся четыре памятника. Древнейшими в этой группе являются стоянки Мамонтова Курья (38 000–34 000 л.н.) и Заозерье (35 000–33 000 л.н.). В Мамонтовой Курье артефакты крайне малочисленны, поэтому определить культурную принадлежность памятника невозможно.

Возраст стоянки Заозерье, особенности каменного и костяного инвентаря, а также типы украшений позволяют уверенно отнести ее к начальной поре верхнего палеолита [Sinityn, 2003; Vishnyatski, Nehoroshev, 2004]. Эта каменная индустрия, несмотря на ряд отличий в типологии орудийного набора, близка к комплексам начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Важнейшей ее особенностью является наличие двусторонних изделий с плосковыпуклой обработкой, имеющих аналоги в материалах мустьерских памятников восточно-европейского микока. В то же время для инвентаря стоянки

характерны такие определяющие признаки верхнепалеолитических индустрий, как объемное первичное раскалывание, направленное на получение крупных пластин, крупные пластины с крутой чешуйчатой ретушью, двуконечные острия на массивных пластинах, резцы с ретушированной площадкой и скребки высокой формы. Стоянка Заозерье – один из самых ранних памятников верхнего палеолита Восточной Европы, где в гомогенной индустрии сочетаются мустьерские и верхнепалеолитические технологии.

В центре Русской равнины к ранним этапам верхнего палеолита относятся стоянки древней хронологической группы (36 000–32 000 л.н.) Костенковско-Борщевского района на верхнем Дону. Это Костенки XVII (слой II) и XIV (слой IVб) [Synitsyn, 2003], древнейшие памятники костенковско-стрелецкой культуры Костенки XII (слой III) и XI (слой V) [Аникович, 1997; Sinitsyn, 2003]. Каменный инвентарь второго слоя Костенок XVII совершенно лишен каких-либо архаичных черт. Для индустрии характерна техника объемного расщепления. Изделия со вторичной обработкой представлены концевыми скребками на пластинах с неретушированными краями и немногочисленными удлиненными скребками высокой формы. Основную часть коллекции составляют боковые косоретушные резцы. Есть долотовидные орудия и острия. Представлены микропластины и пластины с притупленной спинкой. Верхнепалеолитическая группа каменного инвентаря стоянки Заозерье имеет некоторое сходство с этой индустрией. Однако оно, по моему мнению, в значительной степени касается технологии; типологический же облик индустрий различен, и объединение их в какую-либо культурную группировку невозможно.

Для небольшой коллекции каменного инвентаря из слоя IVб стоянки Костенки XIV (возраст по ^{14}C 32–36 тыс. лет) [Синицын, 2002] также характерна пластинчатая техника первичного раскалывания с применением нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального расщепления. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы [Там же]. Характерные для Заозерья типы орудий также отсутствуют, за исключением овальных бифасов, которые все же имеют иную морфологию. Следует заметить, что каменный инвентарь из слоя IVб Костенок XIV немногочислен и, возможно, впоследствии с пополнением коллекции сходство этих стоянок может усилиться.

Рассматриваемые памятники объединяет одна очень важная черта – наличие украшений. По технике изготовления наиболее близки заозерским изделия из второго слоя Костенок XVII. На обеих стоянках применялось одностороннее коническое сверление. В Костенках XVII широко представлены подвески из

белемнитов, уплощенных галек, ископаемых раковин, кораллов и клыков песка [Палеолит..., 1982]. Если здесь украшения сохраняют естественные очертания заготовки, то на стоянке Заозерье подвескам и бусинам специально придавалась овальная или округлая форма. Это предполагает более сложный процесс их изготовления. Сначала подготавливалась заготовка нужной конфигурации, а затем изготавливалось само изделие. Типы украшений также различны. На стоянке Костенки XVII все подвески имеют одно отверстие, а в Заозерье есть и с двумя, расположенными в ряд.

Использование ископаемых раковин в качестве украшений отмечено для слоя IVб Костенок XIV. Однако они не обрабатывались; отверстия в них пробивались, а не просверливались, как на стоянке Заозерье [Синицын, 2002].

С древнейшими памятниками костенковско-стрелецкой культуры верхнего Дона прослеживается меньшее сходство. Оно выражается лишь в наличии предметов мустьерской морфологии с плосковыпуклой ретушью. Технично-типологический состав коллекций различен. Особенно отличает стоянку Заозерье от этих памятников развитая пластинчатая техника, отсутствие бифасов-наконечников, наличие украшений, костяных и роговых орудий.

Таким образом, стоянка Заозерье не имеет прямых аналогов среди одновозрастных памятников центра Русской равнины и может быть выделена в особый культурный тип.

На северо-востоке Европы общие черты с заозерской индустрией имеет комплекс значительно более поздней стоянки Бызовая [Павлов, 2004]. Прежде всего они проявляются в одинаковой структуре каменного инвентаря, состоящего из двух техникоморфологических групп изделий – мустьерской и верхнепалеолитической. Первая представлена ножами типа Kielmesser и скреблами, вторая – орудиями на пластинах: скребками, резцами и остриями. Близость между памятниками прослеживается и в стратегии эксплуатации сырьевых ресурсов. На обоих отмечено широкое использование кремня из коренных месторождений, расположенных на довольно значительном расстоянии (до 60 км на стоянке Бызовая) от них.

К концу ранней поры верхнего палеолита (29 000–28 000 л.н.) в регионе относятся стоянки Гарчи I (верхний слой) и Бызовая. Гарчи I, без сомнения, представляет костенковско-стрелецкую культуру. Многочисленный каменный инвентарь (свыше 5 тыс. экз.) позволяет определить позицию памятника в системе ее периодизации, разработанной М.В. Аниковичем [1991]. В развитии этой культуры выделяются три хронологических этапа: ранний – 36 000–32 000 л.н. (слой III Костенок XII и Костенки VI), средний – 32 000–28 000 (в Костенках представлен материалами слоя V Костенок I и немногочисленными коллекция-

ми из слоя V Костенок XI и слоя Ia Костенок XII) и финальный – 27 000–25 000 л.н. (Сунгирь, Бирючья Балка). Хронологически стоянка Гарчи I относится к среднему этапу. По мнению М.В. Аниковича, ее индустрия типологически наиболее близка к комплексу слоя V Костенок I, что соответствует хронологии памятников [Там же]. Присоединяясь в целом к этому мнению, все же отмечу ряд важных особенностей коллекции со стоянки Гарчи I, не укладывающихся полностью в типологическую характеристику среднего этапа костенковско-стрелецкой культуры.

В технике первичной обработки на памятнике, наряду с типичным для данной культуры плоскостным расщеплением, выделен особый прием получения стандартизированных заготовок – контрударное раскалывание округлых кремневых галек, – совершенно неизвестный на других костенковско-стрелецких памятниках. Эта специфика, впрочем, может объясняться особенностями сырьевой базы стоянки.

Орудийный набор с памятника Гарчи I демонстрирует сочетание типов, характерных для всех трех хронологических этапов костенковско-стрелецкой культуры. С комплексами раннего этапа (Костенки XII, слой III) эту индустрию сближает наличие таких редких изделий, как массивные стамески с поперечным выемчатым лезвием, острия с основанием, обработанным скребковой ретушью, и кремневые плитки с прямым лезвием, оформленным двусторонней ретушью; среднего (Костенки I, слой V) – некоторые типы наконечников и присутствие в их коллекциях трансверсальных резцов; позднейшего (Сунгирь) – вытянутой треугольной формы с прямым основанием наконечники, небольшие округлые скребки. Преобладающими на стоянке Гарчи I являются типы изделий, характерные для среднего и финального этапов развития костенковско-стрелецкой культуры.

Существенно отличает Гарчи I от памятников костенковской группы присутствие «ориньякских» скребков – кареноидных; двойных с ретушью по продольным краям; с шипом на углу лезвия. Аналогичные орудия представлены в коллекции стоянок Сунгирь и Бызовая.

Коллекция печорского памятника ранней поры верхнего палеолита Бызовая отличается значительным своеобразием как по составу, так и по типологическим характеристикам каменного инвентаря. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного и плоского расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий – мустьерская и верхнепалеолитическая. Первая представлена плосковыпуклыми бифасами, в т.ч. обушковыми сегментовидными ножами типа Kielemesser, и разнообразными скребками, включая классические типа Кина. Наиболее близкие аналоги этих мустьерских орудий обна-

руживаются в материалах памятников старосельской фации крымской микокской традиции (Староселье, Кабази II и др.) [Чабай, 2004]: сегментовидные ножи с обушком, асимметричные подтреугольные бифасы, подтрапещиевидные трехлезвийные скребла с унифасиальной обработкой. Верхнепалеолитическая группа представлена концевыми скребками на пластинчатых заготовках, кареноидными и стрелчатыми скребками, угловыми резцами на пластинах, крупными долотовидными орудиями, остриями, тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками.

Как уже было отмечено, по базовым характеристикам структуры каменного инвентаря – сочетанию в нем мустьерской и верхнепалеолитической групп изделий – Бызовая имеет сходство с более ранней стоянкой Заозерье. В то же время некоторые типы орудий находят аналогии в материалах костенковско-стрелецкой культуры. Это кремневые плитки с двусторонней ретушью, двуконечное плосковыпуклое острие и крупные ножи полудунной формы с выпуклым, двусторонне обработанным лезвием. Прослеживается сходство и с памятниками позднего этапа костенковско-стрелецкой культуры, особенно со стоянкой Сунгирь. Близки сунгирским скребки на коротких пластинчатых заготовках с прямым лезвием. На обоих памятниках представлены роговые мотыги типа Лингби [Бадер, 1978]. В каменном инвентаре стоянки Бызовая имеются и типичные «ориньякские» орудия – кареноидные и стрелчатые скребки, крупные долотовидные изделия. Их наличие в сочетании с типами орудий, характерными для костенковско-стрелецкой культуры, сближает комплекс Бызовой с индустрией Гарчи I. Однако, несмотря на отмеченное сходство, относить эту стоянку к числу памятников костенковско-стрелецкой культуры неправомерно, т.к. в ее инвентаре отсутствуют такие определяющие для данной культуры типы изделий, как треугольные, двусторонне обработанные наконечники и подтреугольные скребки с вентральной ретушью. В целом индустрия стоянки Бызовая уникальна и может быть выделена в отдельную культурную единицу, но с учетом специфического типа памятника этот вывод нуждается в дополнительном обосновании.

Немногочисленная коллекция грота Близначева не позволяет провести ее полноценный сравнительный анализ.

Итак, для начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы характерны индустрии, сочетающие признаки мустьерской и верхнепалеолитической традиций. Предположения об участии мустьерских индустрий микока Восточной Европы в генезисе верхнепалеолитических культур этого региона неоднократно высказывались исследователями [Аникович, Рогачев, 1984; Аникович, 2006; Кoen, Степанчук, 2001; Vishnyatski, Nehoroshev, 2004]. Материалы стоянок

севера Восточной Европы являются дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы.

Позднепалеолитические памятники на северо-востоке Европы датируются второй половиной позднего валдая (19 000–16 000 л.н.). Это стоянки Талицкого, Широфаново II, Медвежья пещера, Ганичата II. Их материалы обнаруживают наибольшее сходство с комплексами среднего этапа (от 27–24 до 18–17 тыс. л.н.) позднего палеолита Сибири. Этот этап характеризуется появлением микропластинчатой индустрии [Vasil'ev, 2000; Лисицын, Свеженцев, 1997; Зенин, 2002]. Территориально наиболее близки к памятникам позднего палеолита северо-востока Европы раннесартанские стоянки данной культурно-хронологической группы, расположенные в Западной Сибири: Шестаково (уровни 24–17), Ачинская, Томская, Евалга [Лисицын, Свеженцев, 1997; Деревянко и др., 2000; Зенин, 2002]. Все они имеют общие черты в каменном инвентаре, которые отчетливо фиксируются в технике расщепления и сочетании основных категорий орудий. В коллекциях представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготовкой были пластины длиной 2–5 см. Среди изделий со вторичной обработкой представлены пластины с краевой ретушью, в т.ч. образующей выемки; усеченные пластины; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, в т.ч. высокой формы, и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия [Лисицын, Свеженцев, 1997; Зенин, 2002; Акимова, 2006]. Различия между комплексами отмечаются в деталях вторичной отделки орудий и их типологическом разнообразии.

Как уже было отмечено, для позднепалеолитических индустрий северо-востока Европы также характерны призматические, уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием и плоские ядрища. Ведущим типом скола являются пластины длиной 3–5 см. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины. В составе орудийного набора представлены концевые скребки на удлиненных отщепах, пластинах и фрагментах пластин, в т.ч. и высокой формы; небольшие округлые скребки на отщепах; боковые, поперечные и угловые резцы; долотовидные орудия; пластины с выемками, образованными краевой ретушью; с притупленной спинкой; усеченные; галечные орудия. Показательно наличие такого типа изделий, как пластинки с ретушью, нанесенной со спинки на месте ударной площадки (см. рис. 4, 20). По данным В.Н. Зенина [2002], подобный способ оформления достаточно специфичен для палеолита Сибири и встречается на ряде местонахождений «мальтинского» круга.

Таким образом, несмотря на ряд отличий, основным из которых является большое количество (до 20 % от орудийного набора) и типологическое разнообра-

зие резцов на стоянках северо-востока Европы, черты сходства в комплексах преобладают. Можно предположить, что после получения дополнительных данных позднепалеолитические индустрии северо-востока Европы будут включены в круг сибирских мелкопластинчатых. В.Н. Зенин также отмечает значительное сходство микроиндустриальных комплексов Западной Сибири и Урала на хронологическом отрезке 25(27)–18(16) тыс. л.н. [Там же].

Вероятно, в конце позднего валдая на основе позднепалеолитических комплексов (Талицкого, Широфаново II, Медвежья пещера, Гари) сформировалась региональная уральская культура. К ней могут быть отнесены такие стоянки, как гроты Большой Глухой, Бобылек, пещеры Кульюрттамак, Байсланташ, Капова и Игнатьевская. Их возраст 13–15 тыс. лет. Финальный этап существования культуры характеризуют памятники Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Пымва-Шор I и третий культурный слой грота Большой Глухой. Они, вероятно, относятся к позднеледниковью и раннему голоцену (11 000–9 500 (?) л.н.).

Заключение

Полученные в ходе многолетних исследований данные позволяют выявить особенности развития палеолитической культуры на северо-востоке Европы. В регионе отмечено «кустовое» распределение палеолитических стоянок, характерное для палеолита Евразии [Синицын, Праслов, 1997]. Основным районом концентрации местонахождений (от ранне- до финальнопалеолитических) является довольно ограниченный участок долины верхней Камы от устья Иньвы до нижнего течения ее крупного притока – Чусовой. Такое распределение, вероятно, в значительной степени объясняется природно-географическими условиями этого участка холмисто-увалистой полосы западного склона Уральских гор. Здесь на сравнительно небольшой территории сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересеченные долинами крупных рек. Мозаичность ландшафтов создавала особенно привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных и, следовательно, для первобытных охотников. Особо следует подчеркнуть, что в периоды резких изменений климата, характерных для среднего и позднего плейстоцена, разнообразие биотопов должно было обеспечить сохранение относительно благоприятных условий, по крайней мере, на части этой территории.

Палеолит северо-востока Европы представлен памятниками, вероятно, всех хронологических подразделений этой эпохи. В настоящее время установлено, что первые стоянки на юге региона, в бассейне верхней Камы, появились еще в среднем плейстоцене. На крайнем северо-востоке, в бассейне Печоры, самые ранние

палеолитические памятники датируются второй половиной позднего плейстоцена, средним валдаем.

Периодизация верхнего палеолита на северо-востоке Европы имеет одну особенность: на этой территории выявлены памятники начального и раннего (38 000–28 000 л.н.), позднего и финального (18 000–9 500 л.н.) палеолита, а стоянки средней поры (27 000–20 000 л.н.) до настоящего времени не найдены. Таким образом, развитие верхнепалеолитической культуры на северо-востоке Европы, видимо, носило прерывистый характер, что, безусловно, связано с географическим положением региона вблизи центра оледенения позднего валдая.

Важнейшей особенностью являются также отчетливые различия между индустриями ранней поры верхнего палеолита и позднепалеолитическими. Для первых характерно наличие двух технико-морфологических групп изделий – мустьерской и верхнепалеолитической. В культурном плане эти индустрии сходны с одновозрастными в центре Русской равнины. Иные культурные черты имеют поздние и финальнопалеолитические памятники (19 000–9 500 (?) л.н.). Во второй половине позднего валдая на северо-востоке Европы и на Урале получили распространение индустрии, вероятно, близкие раннесартанским мелкопластинчатым Западной Сибири. На их основе в конце позднего валдая сформировалась первая региональная палеолитическая культура – уральская, которая существовала в регионе вплоть до раннего голоцена.

Материалы палеолитических стоянок свидетельствуют о том, что северо-восток Европы в верхнем палеолите заселялся теми первобытными коллективами, система жизнеобеспечения которых была основана на неспециализированной охоте на крупных стадных копытных и характеризовалась высокой мобильностью населения. Отражением специфического приема адаптации к природно-климатическим условиям севера региона является возникновение особого типа палеолитических стоянок – на природных захоронениях крупных млекопитающих («кладбища мамонтов»), – неизвестных за пределами субарктической зоны Евразии. Показательно, что они существовали на северо-востоке Европы, в Западной и Восточной Сибири [Деревянко и др., 2000; Зенин, 2002] на всем протяжении верхнего палеолита, что, очевидно, связано с особенностями природной среды субарктических широт материка.

Список литературы

- Абрамова З.А., Синицын А.А.** Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 167–177.
- Акимова Е.В.** «Средняя стадия» позднего палеолита в приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 94–96.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1991. – 40 с.
- Аникович М.В.** Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид. – М.: Наука, 1997. – С. 143–155.
- Аникович М.В.** Новые данные о становлении верхнего палеолита на территории Восточной Европы // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 97–99.
- Аникович М.В., Рогачев А.Н.** Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271. – (Археология СССР).
- Бадер О.Н.** Палеолит Урала и заселение Севера. – М.: Наука, 1964. – 14 с.
- Бадер О.Н.** Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 254 с.
- Волокитин А.В., Широков В.Н.** Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек (Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1997. – С. 8–15.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н.** Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 42–55.
- Зенин В.Н.** Основные этапы освоения Западной Сибири палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 22–44.
- Канивец В.И.** Палеолит крайнего северо-востока Европы. – М.: Наука, 1976. – 94 с.
- Косен В.Ю., Степанчук В.М.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе: проблемы таксономии и хроностратиграфии // Vita antiqua. – Киев, 2001. – № 3/4. – С. 78–107.
- Косинцев П.А.** Крупные млекопитающие Урала в плейстоцене и голоцене // Четвертичная палеозоология на Урале. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. гос. ун-та, 2003. – С. 55–72.
- Котов В.Г.** Исследования палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская): Предварительные итоги // Уфим. археол. вестн. – 2004. – Вып. 5. – С. 36–55.
- Кузьмина И.Е.** Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Материалы по фауне антропогена СССР. – Л.: Наука, 1971. – С. 44–122.
- Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С.** Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 67–108.
- Макаров Э.Ю.** Финальный палеолит Прикамья в свете новейших данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир. – Кудымкар: Коми-пермяц. окр. музей им. Субботина-Пермяка, 1997. – С. 102–117.
- Макаров Э.Ю.** Палеолит Приуралья – итоги и перспективы // Оборожные чтения: Мат-лы археол. конф. – Пермь, 2002. – С. 3–9.
- Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю.** Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Прикамье // Археологичес-

кие памятники Северного Приуралья. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1985. – С. 7–14. – (МАЕСВ; вып. 9).

Нехорошев П.Е., Гирия Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфим. археол. вестн. – 2004. – Вып. 5. – С. 12–35.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1996. – 200 с.

Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс, 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск: Докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 192–209.

Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). – Сыктывкар, 2004. – 36 с. – (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; вып. 467).

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1998. – С. 4–17. – (МАЕСВ; вып. 15).

Павлов П.Ю., Мельничук А.Ф. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита Верхнего Прикамья // Памятники древней истории Удмуртии. – Устинов: НИИ при Сов. мин. Удмурт. АССР, 1987. – С. 5–17.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. – Л.: Наука, 1982. – 283 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Нижнетаг. гос. пед. ун-т, 2000. – 271 с.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 219–236.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 141 с.

Спиридонова Е.А. Основные этапы развития растительного покрова позднего плейстоцена внеледниковой зоны Восточной Европы // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. – Л.: Наука, 1989. – С. 40–43.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1940. – № 6/7. – С. 136–140.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 321 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. – Уфа: Ин-т ист., яз. и лит. УНЦ РАН, 1997. – С. 29–38.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1994. – 64 с.

Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близначева на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 156–169.

D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., Baffier D. Many awls in our arguments. Bone Tool manufacture

and use in the Chatelperronian and Aurignacien Levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure // The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 247–272. – (Trabalhos de Archaeologia; N 33).

Krinner G., Mangerud J., Jakobsson M., Crucifix M., Ritz C., Svendsen J.-I. Enhanced ice sheet growth in Eurasia owing to adjacent ice-dammed lakes // Nature. – 2004. – Vol. 427. – P. 429–431.

Paus A., Svendsen J.-I., Matiouchkov A. Late Weichselian (Valdaian) and Holocene vegetation and environmental history of the northern Timan Ridge, European Arctic Russia // Quaternary Science Reviews. – 2003. – Vol. 22. – P. 2285–2302.

Pavlov P., Indrelid S. Human Occupation in Northeastern Europe during the period 35 000–18 000 // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP / Eds. W. Roebroeks et al. – Leiden: Leiden University, 2000. – P. 165–172.

Pavlov P., Indrelid S., Svendsen J.-I. Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // Nature. – 2001. – Vol. 413. – P. 64–67.

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.-I. The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research // Journal of Human Evolution. – 2004. – Vol. 47, N 1/2. – P. 3–17.

Sinityn A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Palaeolithic of Northern Eurasia // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 89–108. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Svendsen J.-I., Gataullin V., Mangerud J., Polyak L. The glacial history of the Barents and Kara Sea region // Quaternary Glaciations: Extent and Chronology / Eds. J. Ehlers, P. Gibbard. – Amsterdam: Elsevier, 2003. – Vol. 1: Europe. – P. 234–311.

Svendsen J.-I., Pavlov P. Mamontovaya Kurya – An Enigmatic, Nearly 40,000 Years Old Palaeolithic Site in the Russian Arctic // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhão, F. D'Errico. – Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 109–122. – (Trabalhos de Arqueologia; N 33).

Vasil'ev S. The Siberian Mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP / Eds. W. Roebroeks et al. – Leiden: Leiden University, 2000. – P. 173–196.

Velichko A., Faustova M., Gribchenko Yu., Pisareva V., Sudakova N. Glaciations of the East European Plain – distribution and chronology // Quaternary Glaciations: Extent and Chronology / Eds. J. Ehlers, P.L. Gibbard. – Amsterdam: Elsevier, 2003. – Vol. 1: Europe. – P. 377–354.

Vishnyatski L., Nehoroshev P. The Beginning of the Upper Palaeolithic on the Russian Plain // The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley: University of California Press, 2004. – P. 80–96.